

НЕЖНЫЙ ВАМПИР БАЛАБАНОВ

Ветеран - 1999. - 8 марта - 68

Фото Анатолия Мелникова

В победу на "Нике" Балабанова верили немногие, большинство предполагало, что все главные призы отхватит любимец тусовки Тодоровский-младший, а питерский гость может рассчитывать максимум на утешительный приз за режиссуру, и то если повезет.

"Про уродов и людей" — картина скандальная, вызвавшая раскол среди коллег и критиков еще на сочинском "Кинотавре"-98, но академики впервые на моей памяти доказали свой класс. Балабанов получил по заслугам. Конечно, прохладная и удручающе простая картина Тодоровского, пошедшего на поводу у стильной молодежи, рядом не лежала с замечательным, хотя и в высшей степени отталкивающим фильмом Балабанова. Что поделаешь, когда приходит действительно новое и по-настоящему масштабное явление, первая реакция на него — неприятие.

Балабанов, таким образом, официально признан лучшим российским режиссером поколения тридцатилетних, и это закономерно. В современной режиссуре он — пример не то же, чем был "Наутилус Помпилиус" в отечественной рок-музыке восьмидесятых: бесспорный лидер, временами талантливый, временами отталкивающий, безупречно оригинальный. Не случайны и дружба Балабанова с Бутусовым (оба свердловчане), и первая картина Балабанова — "Егор и Настя", о свердловских музыкантах Белкине и Полевой. Это был документальный, безоценочный, трезвый рассказ о роке как образе жизни и плате за него. Последовала картина по мотивам Беккета "Счастливые дни", сразу принесшая Балабанову приз киевского фестиваля "Молодость" и уважение коллег, — очень питерское, минималистское черно-белое кино о маленьком человеке. Здесь же появился фирменный знак Балабанова — звенящий и дребезжащий трамвай, кочующий с тех пор из картины в картину (в следующем фильме, "Замок", его роль выполняла тройка с бубенцами). "Замок" по мотивам Кафки восхитил знатоков сельскими и трактирными мизансценами, стилизованными под Брейгеля, и тем чувством здоровой, живой злости, которая в фильме Балабанова пришла на смену кафкианскому усталому раздражению. Кино было холодное, злость — горячая, и

Балабанов не зря говорил, что испытал большое облегчение, сняв картину и выбросив из себя все это.

Подлинную славу принес ему "Брат", поныне отталкивающий меня явной авторской симпатией к герою и — ежели отойти от всяких этических критериев — чрезвычайным упрощением современной жизни. Но если вступить в балабановскую игру на его условиях и воспринять его героя не как конструкцию, а как данность, — кино получается убедительное.

Все свои предыдущие, до "уродские" картины Балабанов снял о расчеловечивании, об утрате ориентиров, — и не зря "Брат" заканчивался песней Бутусова "Мы сидим на склоне холма": там как раз и шла речь о том, что на склоне "хватит места для тебя и для меня", все теперь равны и все разрешено, потому что — "у холма нет вершины".

Балабанов очень точно поймал это исчезновение критерия, отказ от него, расширение границ дозволенного и возможного. Нечто подобное почувствовал и Бутусов, и оттого в его песнях о самом страшном пелось всегда нежным, почти детским, издевательским фальцетом. Авторское обозначение "Нежный вампир" — название одной из последних песен "Нау" — вполне подходит и к Балабанову, который почти ничем не выдаст своего отношения к собственным героям, снимает очень жестко и в то же время изысканно. Его уже успели обозвать русским Джармушем — видимо, имея в виду затемнения в "Брате" и несколько условную манеру повествования в последних картинах (больше ничего общего, кажется, нет, но синефила хлебом не корми — дай наклеить ярлык).

"Про уродов и людей", картина, принесшая Балабанову две "Ники" и гору разгромных отзывов, отличается еще более холодным, иронически-отстраненным тоном. Нормальных человеческих реакций тут нет в принципе. Все герои Балабанова в равной степени отталкивающи и жалки, все злодеи смешны, но ничуть не менее смешны и их жертвы. Многие предпочитают видеть в Иоганне — первом петербургском порнографе, герое Сергея Маковецкого, — своеобразный балабановский автопортрет: вот-де человек, влюбленный в кино как в процесс и не обращающий никакого внимания на то, прекрасные или омерзительные вещи происходят в кадре. Против такого понимания, однако, возражает балабановская короткомет-

ража "Трофим", снятая в 1995 году для альманаха "Прибытие поезда", — изысканная, довольно ядовитая стилизация на темы русского серебряного века и русской ментальности вообще: тут и сердобольный мужик, богоносец-гугнивец-убивец, и отлично снятый старый Питер, но и вполне балабановская печаль о том, что живой человек никому не нужен. Как относиться к этому факту — другой вопрос: Балабанов пришел его провозгласить. В общем, с похожей задачей и почти такой же ядовито-иронической интонацией явился в свое время Ходасевич — последний серебряного века: "А человек — иль не затем он, чтобы забыть его могли?" И потому все люди у Балабанова — уроды. Только в этом качестве они ему интересны, только так могут вызвать у него любимую, сквозную эмоцию — снисходительно-сострадательную усмешку. В истории про уродов и людей все настолько смешно и всех настолько жалко, что возникает точное ощущение конца века, если не тысячелетия: пришло время компрометации всех ценностей, время каких-то новых, простых и жестких эмоций, время людей сильных, примитивных, пустых и потому непредсказуемых. В фильме такого человека — Виктора Ивановича — играет любимый актер Балабанова В. Сухоруков. Виктор Иванович — это даже не Иоганн, сохраняющий рудиментарные привязанности и обладающий художественным чутьем: это монстр, лишенный чего-либо человеческого вообще, но по-своему обаятельный и невероятно живучий.

В том-то и главная удача Балабанова, что он — фигура пограничная, как и большинство литераторов серебряного века. Он весь еще из семидесятых, из сумерек империи, из традиционного искусства, — но в нем, как раковая клетка, живет и ширится "роковая пустота", мучившая поколение Блока. Он расчеловечивается на глазах и остатком прежнего, культурного сознания это расчеловечивание фиксирует, так что все его картины — последовательная хроника собственного перерождения.

Он уже кентавр, уже монстр, живущий в двух временах сразу, а остальные только толпятся на берегу пограничной реки и боятся в нее шагнуть. Будем же следить за его эволюцией с тем же ужасом и состраданием, с каким он из своего пограничья смотрит на нас.

Дмитрий БЫКОВ.

"Про уродов и людей". А. Балабанов